

Джунисова А.А.

**ЖАНРОВЫЕ ПРИЗНАКИ
РАССКАЗА
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
«ЛЕСЯ», «ЖИЛ ЧЕЛОВЕК»
В.М. ШУКШИНА**

Мақалада В. Шукшиннің "Леся", "Жил человек" шығармаларындағы әңгіме жанрының жүйелі белгілері салыстырмалы түрде қарастырылады.

The genre sign of the novel in V.Shukshin's comparison system of style in works «Lesya», «Zhyl cheloveks» are considered in this work.

Малая проза В. Шукшина уже не раз исследовалась в системно-структурном плане [1], в том числе и произведения «Леся» и «Жил человек» при изучении метода изображения, рода, стиля, жанровой формы, жанра и жанровой разновидности [2.104-108]. Рассказ «Леся» «написан летом 1970 года в селе Сростки. Впервые опубликован в журнале «Звезда» (1971, №9). В сборники, подготовленные Шукшиным, не включался» [3.153-154]. «Жил человек» «написан в феврале 1974 года. Впервые опубликован в журнале «Наш современник» (1974, №9). В подборке с еще четырьмя рассказами стал последней предсмертной публикацией Шукшина» [3.99].

Четырехуровневая система содержания и формы эпических произведений В. Шукшина предстает через этапы исследования названия, верхней границы хронотопа настоящего времени («начала»), и его нижней границы – активного центра («конца») в прямой связи смысловых частей текста (микрофокусов, фокусов – «середины») в обратном движении от развязки.

При этом главенствующая роль отводится принципу изоморфизма, функция которого в объединении четырех этапов и в определении критерия художественности.

Сегодня мы обращаемся к произведениям В. Шукшина с целью выявления путем сопоставления системных примет жанра рассказа в их тканях, руководствуясь методами и приемами системно-структурного анализа.

В понимании проблемы жанра мы опираемся на концепцию Бахтина как «типе тематического завершения произведения» [4.176-177], который сопрягается с *результатом творчества* и «оформляется» к концу этого процесса. Так, по концепции А.Е. Кулумбетовой, категория *жанра* переплетена с *содержательной* функцией хроно-топа (синхронной – рассказ, диахронной – новелла) в процессе постижения *идеи* (результата соотношения хроно-топов настоящего и прошлого в изображаемом, совмещенного в восприятии читателя после прочтения текста – идейно-тематический уровень) – разграничителя рассказа и новеллы. В первом – идея осмысливается в параллельном и одновременном соотношении прошлого и настоящего, тогда как во втором – восстановлением прошлого и настоящего при перечтении с выявлением *подтекста* (содержание).

Категория жанра связана с двумя из четырех уровней – третьим и четвертым и обуславливается знаковым (форма) и идейно-тематическим (содержание) уровнями. В нашем понимании рассказ – жанр эпического рода при признаках лирики и

драмы, с доминирующими чертами малой жанровой формы, изображающий от одного до трех проблем, с авторской установкой в развязке, идея которого постигается в синхронной, одновременной связи хронотопов прошлого и настоящего времени при завершении чтения. Методика раскрытия жанра новеллы и рассказа такова: 1) «хаос» в активном центре закономерно приводит к авторской установке («порядку») во всех смысловых частях произведения; 2) однако подтекстовый смысл присущ, как правило, одному-двум отрезкам текста; 3) он возникает в них, когда в их *последних предложениях нет авторской установки*, в отличие от содержания этих отрезков: потенциальное читательское значение изображаемого в последних предложениях соотносится с конфликтом содержания части, формируя при этом ее подтекстовый смысл; 4) нарушение критерия художественности обнаруживается в случае, когда *последние предложения всех смысловых частей новеллы не имеют антонимов*. В жанре рассказа при «порядке» в активном центре в одном-двух смысловых отрезках в соответствии с *критерием художественности* наблюдаем «хаос»: нет авторской установки ни в последних предложениях, ни в содержании смысловых частей. В этой связи потенциальный читательский смысл и его антоним будут определять конфликт либо микрофокуса, либо фокуса, либо микроразвязки.

Функция *первичного читательского восприятия (ПЧВ)* – в обозначении жанра (форма) произведений. Оно во всех исследуемых произведениях художника слова будет связано с *пониманием* переживаний героев ввиду присутствия авторской установки в развязках. Следовательно, это указывает на отсутствие *подтекстового смысла*, что присуще жанру рассказа.

Этим явлением будет определяться *изоморфизм* признаков рассказа в ткани произведений: не во всех смысловых отрезках текста мы обнаружим реальные знаки. Другими словами, *закономерен «хаос»* (в соответствии с *критерием художественности*), предполагающий активность читателя в подборе им потенциального смысла этих отрезков текста.

Остановимся на этапах анализа. **3 этап - анализ активного центра.**

АЦ (нижняя граница хронотопа настоящего времени, последний миг настоящего времени, развязка) «Леси» [5.205-207] состоит из одного абзаца и восьми предложений. В нем повествуется о волнении рассказчика по поводу «конца» Леси, о его рассуждении об особенности «жадничать при дележке дарового добра»; о богатстве, которое «шло прахом»; о Лесе как «вековом крестьянине, который из горьких своих веков вынес несокрушимую жадность»; о жадности как «способе, средстве выжить, когда не выжить – очень просто»; о желании Леси «освободиться от этого мертвого груза» и его невозможности. Лирический род передает внутренние переживания повествователя («странным образом волнует меня», «не могу как-нибудь объяснить»). «Событие самого рассказывания» – драматический признак. Пять ситуаций, один герой, упоминание «Леси», малый объем – приметы *малой жанровой формы*. АЦ отделяется от предыдущей СЧ по *тематическому* принципу – основы критерия по разграничению текста на СЧ в обратном движении. Его функция – раскрыть психологию и сознание крестьянина с его инстинктом собственности («жадности») 1920-х гг. *Тип начальной синтагмы* (ТНС) АЦ «И вот этот...» [5.207] - социально-психологический. В ПП («Видно, не так это просто - освободиться») есть ключевая пара реальных знаков (РЗ) («захотел» - «не мог»), которая отражает социально-психологическую борьбу между надеждой и безысходностью. Потенциальный смысл (ПС) – в *безысходности*. Таковы содержание и тип ОТ в произведении В. Шукшина. *Первичное читательское восприятие* – в *понимании* охватившего повествователя чувства в силу авторской установки («порядка») в АЦ. Доминирует *постмодернизм* в изображении: преобладает чувство неуверенности, предположения, неоднозначности («положим», «может, так», «видно»), вытекающее из рассуждения повествователя о богатстве и жадности. Отсюда и штрихи *реализма*: 1) собирательный типический образ («а так кончали многие, похожие на Лесю», вековой крестьянин), 2) собирательный типический характер героя: жадность как средство выжить и свидетельство тяжелого уклада жизни крестьянина на протяжении многих веков, сказавшихся на его психологии и сознании. Эти размышления свидетельствуют о чертах *экзистенциалистского метода*. *Экспрессионистский* прием повтора слов («богатство» - 2, «освободиться» - 2, «Леся» - 3, «лоскуты» - 3, «жадность» - 3) с доминированием цифры 3 – *символа* завершенности – в подтверждение ПС АЦ, т.е. безысходности социальной судьбы таких, как Леся.

Развязка произведения «Жил человек» [6.125-127] включает в себе один абзац из двадцати предложений. В нем повествуется о предчувствии повествователя, проснувшегося от шума в коридоре; о телевизоре, в котором, то прыгала, то гасла точка, оставляя за собой тусклый след; об остановке точки и лежащем трупе; о «пустой душе» повествователя, пытавшегося ночью сосредоточиться на главной мысли; о рассуждениях повествователя по поводу трудной жизни умершего; о его размышлениях о

жизни и смерти. Лирический род обусловлен вниманием на чувства повествователя («колынуло сердце», «хотел понять»). Примета драматического рода - «событие самого рассказывания». Шесть ситуаций, повествователь, упоминание «его» (главного героя), малый объем – приметы *малой жанровой формы*. АЦ отделяется от предыдущей смысловой части (СЧ) по *тематическому* принципу – основы критерия по разграничению текста на СЧ в обратном движении. Его функция – раскрыть психологию и сознание личности 70-х гг. в свете общечеловеческой проблемы жизни и смерти. *Тип начальной синтагмы* АЦ «Я проснулся...» [6.127] – социально-психологический. В ПП («Похоже, умирать-то – не страшно») нет авторской установки. ПС – в *преходящем*. Антоним – *вечное*. В СЧ есть ключевая пара реальных знаков («прыгает» – «остановилась»), подтверждающая найденное нами противоречие. Таковы содержание и тип ОТ в произведении В. Шукшина. *Первичное читательское восприятие* – в понимании внутреннего состояния героя ввиду авторской установки («порядка») в развязке. Налицо *экзистенциалистское* отображение действительности: рассуждения повествователя о жизни и смерти, попытка понять смысл жизни. Приметы *экспрессионизма* – экспрессивная лексика («точечка-светлячок», «лежал с пустой душой», «проклятый дар», «чуть-чуть бы хоть высветилось в разуме ли, в душе ли», «и откуда с этим не докричишься»), повтор многоточия, восклицательного и вопросительного знака, метафорическое сравнение («в синем, как кусочек неба, квадрате»). *Экспрессионистский* прием повтора слов («коридор» - 2, «человек» - 2, «тусклый» - 2, «нужно» - 2, «палата» - 2, «уходить» - 2, «хотел» - 2, «люди» - 3, «я» - 3, «точка/точечка» - 3, «следок» - 3, «телевизор» - 4, «зачем» - 4, «жили/жить» - 5, «прыгает» - 7) с доминированием цифры 2 – *символа* тревоги в подтверждение ПС АЦ: осознание того, что жизнь не бесконечна, вызывает беспокойство. Наряду с этим *реалистично* передан процесс смерти с технической стороны. Признак *постмодернистской текучести* проступает в предложениях, передающих «борьбу» жизни и смерти умирающего человека: «А там, в синем, как кусочек неба, квадрате, прыгает светлая точка... Прыгает и оставляет за собой тусклый следок, который тут же и гаснет. А точечка-светлячок все прыгает, прыгает... То высоко прыгнет, а то чуть вздрагивает, а то опять подскочит и следок за собой вытянет. Прыгала-прыгала эта точечка и остановилась» [6.127]. С. Козлова говорит о связи Шукшина и Толстого в обращении к теме смерти. «Безымянный, одинокий человек («один был») умирает так, как умирает у Толстого дерево <...>. Шукшин также опредмечивает человеческую смерть: рисует картину физической смерти человека, отчуждая его дух и плоть экраном телевизора <...>. Но у Толстого физическая смерть, уравнивающая жизнь дерева, крестьянина, барыни, возвышена и освящена божественным законом и промыслом: «Сокроешь лицо твое – смущаются, – гласил псалтырь, – возьмешь от них дух – умирают и в прах возвращаются. Пошлешь дух твой – создаются и обновляют лицо земли. Да будет господу слава веки». У Шукшина же техника нового века разоблачила таинство смерти» [3.100]. При этом исследователь, к сожалению, не определяет свое верное наблюдение понятием интертекстуальность.

В обратном движении – на четвертом этапе – раскрывается изоморфизм содержательных и формальных признаков АЦ и СЧ (3 МФ и Ф – «Леси», 1 МФ и Ф – «Жил человек»). Проследим, как проступают жанровые признаки рассказа в этих СЧ согласно критерию художественности.

Так, ПП 1 микрофокуса (МФ) «Леси» («Лесья ходил, демонстративно зевал в церкви, потешая дружков и молодых баб и девок») не содержит авторской установки. Его ПС – в *вызове*. Антоним – смирение. В СЧ также отсутствуют РДЗ, тем самым системно подтверждая жанр рассказа. ПС этого МФ имеет *прогностическое* значение в осмыслении *предмета* последующего изображения: он – в *вызывающем поведении* Леси, испытывающего судьбу. Прогностический смысл подтверждает верность определения нами верхней границы НВ в этом произведении. Сопоставляя смысл названия и ПС (пренебрежение – вызов), не наблюдаем противоречия, т.е. подтекста. Это признак *жанра рассказа* при малой эпической форме изучаемого произведения. Рассудочность (вызов) противостоит естественным чувствам (надежда, смирение), составляя *романтическое* содержание эстетического идеала, когда постоянные лишения и нужда, желание выжить заставляют думать только о себе, пренебрегая остальными.

В ПП 1 *темы* «Жил человек» («Да...») нет РДЗ. Его ПС – в *смирении*. Антоним – непримиримость. В СЧ есть РЗ («слушать, соглашаться, что – да, не надо бы...» – «и спокойно курит», «смешные истории» – «несмешные», «всю жизнь свою целиком отmaterил» – «но он же и понимал»), среди которых первая пара, являясь ключевой, выражает социально-психологический и лирический конфликт между смирением и непримиримостью. Этот микрофокус предваряет верхнюю границу хронотопа НВ, потому его ПС будет *прогностическим*, определяя *предмет* дальнейшего изображения.

Он – в *смирении* синеглазого с привычным, с жизнью вообще, поскольку «судьба – нечто отдельное от него, чем он управлять не может». В этом верность определения верхней границы хронотопа НВ. При сопоставлении смысла названия и ПС (сочувствие – смирение) не обнаруживаем контраста, что указывает на отсутствие подтекста, приметы *жанра рассказа*. Просветительский принцип контрастен антропологическому, составляя *романтическое* содержание эстетического идеала.

ПП *второй темы* «Леси» не имеет РЗ («Впрочем, как не чуют»). ПС – в *понимании*. Антоним – осуждение. В СЧ ключевая пара реальных знаков («судьба щадила» – «не щадил судьбу») выражает социально-психологический конфликт понимания и осуждения.

ПП 3 МФ «Леси» не содержит РДЗ («Вот»), ПС которого – в *безмятежности*. Антоним – беспокойство. В СЧ есть ключевая пара антонимов («удивил» – «успокоил»), подтверждающая определенный нами конфликт.

В ПП *фокуса* «Леси» («Перестрелялись») отсутствуют реальные детали и знаки. ПС – в *утверждении*. Антоним – отрицание. В СЧ также нет авторских антонимов, что присуще жанру *рассказа* при малой эпической форме.

ПП *фокуса* рассказа «Жил человек» («Этой же ночью он умер») не имеет РДЗ. ПС – в *неожиданном*. Антоним – ожидаемое. В СЧ есть пара РЗ («не слышал, чтоб рассказывал всем» – «неумело рассказал»), передающая социально-психологическую и философскую борьбу между неожиданным и ожидаемым.

Обратимся к таблице:

	«Леся»		«Жил человек»	
	ПП	СЧ	ПП	СЧ
	РЗ	РЗ	РЗ	РЗ
АЦ	+	–	–	+
1 МФ	–	–	–	+
2 МФ	–	+		
3 МФ	–	+		
Ф	–	–	–	+

Выводы по системному анализу содержания и формы произведений В. Шукшина:

Всего в произведении «Жил человек» один МФ, один Ф, АЦ, что свойственно малой эпической форме, обозначенной в развязке текста в соответствии с критериями художественности. Наблюдаются при этом и признаки средней (1 МФ). Социально-психологический ТНС во всех СЧ изоморфен ТНС АЦ и с доминирующими уровнями названия. При этом ТНС 1 МФ – СПЛ, а ТНС Ф – СПФ, что указывает на соответствие критериям художественности в плане жанровой разновидности. Преобладание знаков над деталями указывает о стремлении автора поднять конкретно-исторические проблемы до общечеловеческого уровня. Суть противоречий всех СЧ обусловлена конфликтом ОТ – борьбой между преходящим и вечным (рассудочностью и естественными чувствами). ПС всех СЧ текста формирует представление В.Шукшина о прекрасном – утверждении позитивного значения неразрывности природы и духовности при любых жизненных обстоятельствах (ИТ). В свете ИТ дополняется значение в названии: сочувствие герою, перенесшему все тяготы жизни, больному к концу своей жизни, его смерть передается через попытку осмысления Шукшиным-философом жизни, осознание быстротечности жизни и неизбежности ее конца. При этом В. Шукшиным смерть изображается как технологический процесс. Первичное читательское восприятие (понимание) не контрастно вторичному (ИТ) – признак *жанра рассказа*. Совпадение ОТ и ИТ – свидетельство *реалистического* стиля мышления писателя. Однако повествовательная интонация в АЦ с РЗ, романтическое содержание эстетического идеала В. Шукшина становятся в этом произведении основой *романтико-реалистического стилевого синтеза*. Это проявилось во всех СЧ текста, когда нереалистическое изображение сочеталось с реалистическим. По родовым особенностям «Жил человек» представляет собой синтез трех родов литературы.

Итак, «Жил человек» В.М. Шукшина – по жанру рассказ с доминирующими признаками малой жанровой формы с социально-психологической и философской жанровой разновидностью. Ему характерен романтико-реалистический стилевой синтез. По методу изображения этот рассказ экзистенциалистский с элементами экспрессионизма, реализма, символизма и постмодернизма.

Произведение «Леся» состоит из трех МФ, одного Ф, АЦ, что говорит о малой эпической форме при чертах средней (3 МФ). Налицо главенство социально-психологического ТНС согласно его типу в

АЦ и доминирующих уровней. Разнообразие типов оценок (ТНС 1 МФ – СПФ) – соответствие критериям художественности в плане жанровой разновидности. Преобладание знаков в СЧ текста – примета внимания художника слова на современных ему конкретно-исторических проблемах общечеловеческого уровня. ОТ – конфликт надежды и безысходности. Инвариантная тема – в утверждении гармонии естественных чувств и духовности. Это понимается как необходимость изживания в психологии и сознании личности чувства собственничества, «жадности». В противном случае, человек теряет свой нравственный, моральный облик (ИТ). В свете ИТ дополняется пренебрежительное значение имени героя в названии рассказа, вскрывающейся ноткой сочувствия и сожаления (Леся) о драматически сложившейся мужицкой судьбе. Сказовая форма и элементы фольклора служат фоном, посредством чего, во-первых, зримее, острее передается типическое в психологии и сознании крестьянина 1920-х гг., во-вторых, улавливается воспитательная нотка, поучительность. Ткань произведения синтезирует в себе признаки лирики и драмы при доминировании эпоса. Первичное читательское восприятие (понимание) дополняет вторичное (ИТ), что характерно для *жанра рассказа*. При сопоставлении ОТ и ИТ не наблюдаем противоречия – приметы *реалистического* стиля. При этом повествовательная интонация в АЦ с авторской установкой, романтическое содержание эстетического идеала В. Шукшина обуславливают *романтико-реалистический стилиевой синтез*.

Следовательно, «Леся» В.М. Шукшина – по жанру рассказ, по жанровой форме – малый, по жанровой разновидности – социально-психологический. Идея его постигается в синхронной, т.е. одновременной с завершением чтения связью хронотопов прошлого и настоящего в повествовании. По стилю – романтико-реалистический синтез. По методу изображения – постмодернистский с чертами реализма, экзистенциализма, символизма и экспрессионизма.

Произведения «Леся» и «Жил человек» по жанру – рассказы. Об этом свидетельствуют:

а) синхронное осмысление идеи (*содержание*), заданной установкой автора в развязке; б) ПЧВ – в понимании переживаний и чувств героев; в) отсутствие *подтекста* при сопоставлении прогностического потенциального смысла со знаковым (пренебрежение – вызов; сочувствие – смирение); г) отсутствие в одной-двух смысловых частях антонимов: в «Лесе» в двух СЧ – 1 МФ и Ф.

В этом плане наблюдается нарушение критерия художественности в рассказе «Жил человек» ввиду присутствия авторских антонимов во всех СЧ, когда авторская установка превалирует над читательской активностью во всех смысловых частях изучаемых текстов.

Литература:

1. Кулумбетова А.Е. и др. Система содержания и формы лирического, эпического и драматического художественного текста. – Алматы: «Искандер», 2008. – 178 с.
2. Джунисова А.А. Жанр, жанровая форма произведения «Жил человек» В. Шукшина // Труды международной научно-практической конференции «Ауэзовские чтения - 8»: Научные достижения – основа культурного и экономического развития цивилизации. – Шымкент: ЮКГУ им. М. Ауэзова, 2009. – Т.2. – С. 104-108.
3. Творчество В.М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник. – Т.3: Интерпретация художественных произведений В.М. Шукшина. Публицистика В.М. Шукшина / Науч. ред. А.А. Чувакин; ред.-сост. С.М. Козлова. – Барнаул: Изд-во Алт.ун-та, 2007. – С. 99, 153-154.
4. Медведев П.Н. Формальный метод в литературоведении. – Л.: Прибой, 1928. – 232 с.
5. Шукшин В.В. Леся // Собр. соч. в 8 т. / Под общ. ред. О.Г. Левашовой. – Т.5: Рассказы 1969-1971. Печки-лавочки. Иван Степанович. / Под ред. А.Г. Сидоровой. – Барнаул: ООО «Издательский дом «Барнаул», 2009. – С. 205-207.
6. Шукшин В.М. Жил человек // Жил человек. Рассказы, повести. – Барнаул: ОАО «Алтайский Дом печати», 2004. – С. 125-127.